

Шар и крест

Перелётный кабак

Гилберт Кийт Честертон

ШАР И КРЕСТ ПЕРЕЛЁТНЫЙ КАБАК

сборник

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(0)
Ч-51

*Перевод с английского
Наталии Трауберг, Николая Чуковского*

Честертон, Г. К.

Ч-51 Шар и крест. Перелётный кабак: Сборник / Г. К. Честертон; [пер. с англ. Н. Л. Трауберг, Н. К. Чуковский]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2021. – 432 с.

ISBN 978-5-521-74844-0

В сборник вошли два романа знаменитого английского писателя и мыслителя Гилберта Кийта Честертона «Шар и крест» и «Перелётный кабак». Название «Шар и крест» является отсылкой к мирскому и более рациональному мировоззрению в образе шара и христианству в образе креста. В романе рассказывается о приключениях двух жителей Британии — шотландского католика и шотландского же убеждённого атеиста — вызвавших друг друга на дуэль из-за своих взглядов и терпящих всевозможные преследования со стороны властей. Роман «Перелётный кабак» — это гротескная история об антиалкогольной кампании в Англии, а, если быть точнее, о борьбе с антиалкогольной кампанией. Кабаки облагаются непосильным налогом ежедневно, поэтому возникла идея завести кабак, который не задерживается на месте больше чем на день.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Т8 RUGRAM, 2021
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021
© Перевод Н. Л. Трауберг, наследники, 2021
ISBN 978-5-521-74844-0 © Перевод Н. К. Чуковский, наследники, 2021

ШАР И КРЕСТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР

Аэроплан профессора Л. серебряной стрелой разрезал небеса, сверкая в холодной и синей бездне вечера. Мало сказать, что он летел над землею — тем двоим, кого он нес, казалось, что он летит над звездами. Профессор сам сконструировал его, и все в нем было искаженным и причудливым, как и подобает чудесам науки. Мир наук несравненно туманней и неуловимей, чем мир поэзии; ведь в поэзии и в вере мысли и образы верны себе, тогда как, скажем, сама идея эволюции зыбка, словно тяжкий сон.

Все детали и предметы в аэроплане профессора Л. были такие же, как у людей, только на себя не похожие. Они как бы забыли свое назначение и обрели иную, чудовищную форму или иное имя. Штука, похожая на большой ключ о трех колесах, была чем-то вроде револьвера; гибрид двух пробочников — ключом. Открывалось этим ключом что-то похожее на велосипед и очень важное. Все это создал сам профессор — совершенно все, кроме себя и своего пассажира.

Пассажира этого он в самом прямом смысле слова выудил из маленького садика в горах и, хотя не создавал

его, собирался над ним поработать. Обитатель болгарских то ли греческих гор просто светился сквозь заросли седых волос; видны были, собственно, одни глаза, и казалось, что ими он разговаривает. Он был необычайно умен и мудр, и не знал печали в своей окруженной горами хижине, обличая ереси, чьи последние приверженцы переказнили друг друга 1119 лет тому назад. Ереси эти содержали немалый соблазн, и монах сумел обличить их; однако никто, кроме него, не понял бы хода его мыслей. Звали его Михаилом (фамилию я писать не стану, западным людям все равно не прочитать ее) и, повторяю, он счастливо жил со зверями в своей хижине. Даже теперь, когда ученый безумец вознес его превыше гор, он не утратил своей радости.

— Милый мой, — говорил профессор, — я не собираюсь убеждать вас доводами. Нелепость вашего предания ясна всякому, кто знает сей мир тем знанием, которое велит нам избегать сквозняков и нищих. Поистине глупо спорить о таких глупостях. Когда поживешь среди людей...

— Простите меня, — слышалось из белых зарослей, — значит, вы подняли меня в небеса, чтобы я пожил среди людей?

— Занятный вопрос, в узком схоластическом духе, — отвечал профессор. — Что ж, я докажу мою мысль, исходя из вашей. Ваша религия, насколько мне известно, считает небо символом и даже источником правды и милости. Ну вот, вы — в небе, судите сами. Небо жестоко. Пространство страшнее тигра или чумы. Надежды в нем не больше, чем в аду, а правды тоже. Если для несчастного потомка обезьяны есть утешение и упование, оно — на земле, и...

— Простите, что прерву вас, — сказал отец Михаил, — но я всегда замечал...

— Так, так! — подбодрил его профессор. — Люблю ваши немудреные мысли!..

— Вы так прекрасно говорите, — продолжал монах, — и вы, и вся ваша школа... но я припомнил ее историю и пришел к странным выводам, которые нелегко передать, особенно на чужом языке.

— Слушаю, слушаю! — все подбадривал его ученый. — Итак?

— Я заметил, — мягко промолвил отец Михаил, — что особенно красиво вы проповедуете как раз тогда, когда... ну, как бы это сказать?

— Прошу, прошу, договаривайте! — нетерпеливо вставил профессор.

— Словом, ваш аэроплан сейчас во что-то ударится, — закончил монах, — простите, что я об этом говорю, но лучше вам знать заранее... — Профессор вскрикнул и пригнулся к рулю. Последние десять минут они летели вниз сквозь кручи и пещеры облаков. Теперь, за лиловатым туманом, словно островок в облачном море, темнело что-то вроде макушки огромного шара. Глаза профессора блеснули огнем безумия.

— Новая планета! — закричал он. — Я назову ее моим именем. Да, именно ей, а не пошлой Венере, пристало называться светоносной, денницей, светилом зари. Здесь не будет суеверий, здесь не будет богов, здесь человек станет невинным и безжалостным, как полевой цветок, здесь человеческий разум...

— Простите, — несмело сказал монах, — там что-то торчит...

— И верно, — согласился профессор (очки его сверкнули ученым восторгом), — что бы это могло быть?

Тут он дико закричал и выпустил руль. Монах не очень удивился, ибо привык в своем отсталом краю, что некоторые создания кричат именно при виде этого предмета. Он устало взялся за руль, и как раз вовремя, чтобы аэроплан не врезался в купол собора.

Тусклое море облаков лежало почти у самой его вершины, и крест на макушке шара казался буйком среди свинцовых волн. Когда аэроплан подлетел к ним вплотную, облака стали четкими, словно камни на серой равнине. Лететь сквозь них было неприятно, словно древний утес оказался куском масла или, точнее, взбитым белком. Однако еще удивительнее были мгновенья, когда внезапный и удушливый сумрак сменился бурным туманом, который где-то пониже как бы разгорался, обращаясь в огонь. Сквозь плотную лондонскую мглу сверкали огни, сливавшиеся в квадраты и полосы. Можно было сказать, что мгла утопает в пламени; можно было сказать, что пламя подожгло мглу. Самолет летел рядом с куполом, который, словно морское чудовище, возвышался над морем улиц или, если хотите, висел в беззвездном небе, ибо туман скрыл звезды от отца Михаила и профессора Л.

Монах и ученый пролетели от купола так близко, что профессор, оставив руль на секунду, оттолкнулся от него, как отталкивается от берега тот, кто правит лодкой. Крест, тонувший во мраке, казался снизу и больше, и причудливей.

Профессор погладил огромный, шар, словно гигантского зверя, и сказал:

— Вот это по мне!

— Что же именно? — спросил монах.

— Да вот это, — повторил профессор. — Люблю этот символ. Как он завершен, как довлеет себе! Я говорил вам, мой милый, что могу опровергнуть ваши бредни, отталкиваясь от чего угодно; что же выразит лучше разницу наших мировоззрений? Шар сообразен разуму, крест — несообразен. Шар — логичен, крест — нелеп и произволен. Шар в ладу с самим собою, крест себя отрицает. Крест — это спор противных друг другу линий, и примирить их нельзя. Он противоречив по самой своей форме.

— Вы совершенно правы, — отвечал монах. — Мы не страшимся противоречий. Человек — это противоречие: он тем и выше братьев своих, животных, что способен к падению. Вы говорите, крест — нелеп и произволен. Форма креста произвольна и нелепа, как человеческое тело.

Профессор Л. нахмурился и сказал:

— Без сомнения, все относительно. Не стану отрицать, что элемент борьбы, противоречия, спора занимает свое место в природе. Однако элемент этот ниже полноты, заключенной в шаре. Да сами посудите, сразу видно, что Кристофер Рен допустил серьезную ошибку.

— Простите, какую же? — кротко спросил монах.

— Крест стоит на шаре, — отвечал профессор. — Это бессмысленно, шар должен стоять на кресте. Крест, в самом лучшем случае, уродливое дерево прошлого; шар — совершенный плод будущего. Итак, крест увенчивается шаром, а не наоборот.

— Ну что же, — покладисто сказал монах, — представим себе эту аллегория. Она очень хорошо показывает, чем дурны ваши схемы. Вы сами представьте, что случится, если мы поставим шар на крест.